

© 2023. С. В. Капустина

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Россия

К вопросу о переводе единиц концептосферы Н. В. Гоголя: богатырство или heroism?

Аннотация: Перевод наследия Н. В. Гоголя на иностранные языки традиционно сопрягается с рядом трудностей, игнорирование которых ведет к искажению идиостиля классика. В статье определяется основная причина дистанцированности между произведениями Н. В. Гоголя и их иностранными переложениями. Она заключается в неразличении переводчиком тех индивидуально-авторских концептов писателя, которые выстроены на базе национально-патриотических констант. Аргументация выдвинутого тезиса осуществляется в статье поэтапно. Первый этап связан с выполненной на материале «Выбранных мест из переписки с друзьями» и «Мертвых душ» реконструкцией «ядра» гоголевского концепта «Богатырство». На втором этапе сопоставляется смысловой объем «ядра» концепта и способы его ретрансляции в иностранных переводах. Резюмируется, что сведение сути авторского концепта «Богатырство» к культурно нейтральному понятию «heroism» нерационально и поверхностно. В качестве решения проблемы непереводимости единиц концептосферы Н. В. Гоголя видится транслитерирование их номинаций.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, перевод, концепт-анализ, концептосфера, культурный концепт, индивидуально-авторский концепт, богатырство, богатырь, «Мертвые души».

Информация об авторе: Светлана Владимировна Капустина, кандидат филологических наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, пр. Академика Вернадского, д. 4, 295007 г. Симферополь, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0608-5258>

E-mail: Kapustina_S_V@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 12.09.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 29.10.2023

Дата публикации статьи: 25.12.2023

Для цитирования: Капустина С. В. К вопросу о переводе единиц концептосферы Н. В. Гоголя: «Богатырство» или «heroism»? // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 4. С. 16–33. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-16-33>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 16–33. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 16–33. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. Svetlana V. Kapustina

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia

On the Translation of Nikolay Gogol's Conceptosphere Units: “Bogatyrstvo” or “Heroism”?

Abstract: The translation of Nikolay Gogol's legacy into foreign languages is traditionally associated with a number of difficulties, ignoring which leads to a distortion of the idiosyncrasy of the classic. The article defines the main reason for the distance between Nikolay Gogol's works and their foreign transcriptions. It lies in the translator's indistinguishability of those original writer's concepts, which are built on the basis of national-patriotic constants and supplemented with semantic stresses that are priority for Gogol the Christian. The argumentation of the proposed thesis is carried out in the article in stages. The first stage is connected with the reconstruction of the “core” of Gogol's concept “Bogatyrstvo” based on the material of “Selected Passages from Correspondence with Friends” and “Dead Souls.” The second stage is the semantic volume of the “core” of Gogol's concept “Bogatyrstvo” and the ways of its exposition in foreign translations. It turns out that the reduction of the essence of the author's concept of “Bogatyrstvo” proposed by the majority of translators to the culturally neutral category of “heroism” is irrational and superficial. The author of the article proposes transliteration of Nikolay Gogol's conceptosphere units as a solution to the problem of its untranslatability.

Keywords: Gogol, translation, concept analysis, conceptosphere, cultural concept, individual author's concept, bogatyrstvo, bogatyr, “Dead Souls.”

Information about the author: Svetlana V. Kapustina, PhD in Philology, Associate Professor, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Academician Vernadsky Ave., 295007 Simferopol, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0608-5258>

E-mail: Kapustina_S_V@mail.ru

Received: September 12, 2023

Approved after reviewing: October 10, 2023

Published: December 25, 2023

For citation: Kapustina, S. V. “On the Translation of Nikolay Gogol's Conceptosphere Units: ‘Bogatyrstvo’ or ‘Heroism’?” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 4, 2023, pp. 16–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-16-33>

На рубеже тысячелетий термин «концепт» стал кроссдисциплинарным, поскольку культурогенный потенциал обозначенного им феномена был востребован в разных сферах гуманитарных наук. В XXI в. значительно расширился библиографический корпус концепт-исследований, подтвердивших полисемантическую их базисную функцию. Оно трактовалось и обобщенно (как «микромодель культуры» [Зусман: 41], ее «сгусток <...> в сознании человека» [Степанов 2001: 43]), и адресно (как «индивидуально-авторская аксиологически маркированная мыслемодель культуры» [Капустина 2021: 77]). Разновекторность изучения концепта не столько побуждала к альтернативному выбору подхода, сколько демонстрировала ракурсы развития культурной системы.

Ю. С. Степанов обозначил двуплановость этого процесса через определение концепта — «того, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, того, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 2001: 43]. В приведенной цитате справедливо передан функциональный диапазон концепта и как культурного кода, и как персонального драйвера к его обновлению, хотя не совсем убедительным представляется момент дифференциации «рядового человека» и «творца культурных ценностей» при условии, что первый все-таки «в некоторых случаях» влияет на культуру, а второй будто бы исключается из общего процесса как априори нацеленный на концепт-творчество. Полагаем, что влияние на развитие культуры оказывают, прежде всего, выдающиеся авторы, способные запечатлеть на культурноносных скрижалях литературы и искусства новые преломления корневых доминант и, соответственно, внести изменения в представления своих современников и последователей.

Чуткое восприятие и художественное воплощение писателями культурной аутентичности своего народа делает их произведения

максимально понятными для соотечественников и предельно «зашифрованными» для иностранцев. Разгадать «шифры», к примеру, литературных шедевров, оправдывающих метафорическое реноме «энциклопедия русской жизни» или созданных с намерением «объять всю Русь», — непростая задача для зарубежного переводчика. Однако еще более сложное профессиональное испытание для него — посредством текстового перевода стать проводником в русскую культуру. Для этого нужно суметь объяснить то самобытное и исключительное, чему изначально нет полного инокультурного эквивалента; перевести механически непере译имое, но содержательно фундаментальное — концепты. При этом принципиально важно учесть диалектику константного и оригинального в эйдологической канве художественного текста, то есть не утратить и не исказить те значимые нюансы, которыми автор обогатил первосмыслы родной культуры. Возможностью рассмотреть вопрос о непере译имости концептов в обозначенной диалектической оптике обусловлена актуальность настоящей работы.

Цель статьи — во-первых, выявить и описать оригинальные семантические преломления этнокультурного концепта «Богатырство», эксплицированного в наследии Н. В. Гоголя; во-вторых, сопоставить результаты проведенной концепт-реконструкции с содержанием иностранных версий исследуемых произведений.

Теоретико-методологический базис работы можно условно разделить на четыре направления. Первое из них посвящено проблеме идентификации концепта в межкультурной коммуникации. В трудах Ю. С. Степанова [Степанов 2001], [Степанов 2007]; З. Д. Поповой, И. А. Стернина [Попова, Стернин 2000], [Попова, Стернин 2001]; В. И. Карасика [Карасик, Стернин]; В. Г. Зусмана [Зусман] представлены теоретические основы моделирования и иллюстрационные характеристики тех концептов, которые, по мнению указанных авторов, составляют фундамент русской культуры. В рамках обозначенного подхода возможно сравнить национальные концептосферы, то есть установить «как разнородные коммуникативные сети (“свое” и “чужое”) накладываются друг на друга, образуя смежные зоны, ложные совпадения, значимые лакуны и зияния» и, соответственно, понять «почему особенно затруднено понимание иноязычных художественных текстов, обладающих высокой степенью образности» [Попова, Стернин 2002].

Магистральная тематика второго направления — литературоведческий анализ индивидуально-авторских концептов, которые, с одной стороны, проявляют динамику развития корневых единиц национальной концептосферы [Володина], а с другой, транслируют окказиональные оттенки значений, по которым возможно воссоздать штрихи духовного портрета концептуального персонажа. Обозначенный алгоритм концепт-анализа реализован в работах Г. А. Зябревой, С. В. Капустиной [Зябрева], [Капустина].

К третьему направлению относим труды, в которых предлагаются различные теоретико-методологические решения проблемы «перевода» концептов либо их адаптации к инокультурному фону [Воркачев], [Мальцева], [Шафиков].

Четвертое направление непосредственно коррелирует с аналитико-иллюстративным блоком данной статьи и включает работы, посвященные рассмотрению *богатырства* как воинского этоса и духовной практики в русской культуре и ее литературных отражениях [Капустина 2014], [Капустина 2022(а)], [Миронов].

Парадоксальным представляется тот факт, что феномен *богатырства* как глубинного воплощения русской национальной героики и, следовательно, непреложный и самобытный культурный концепт не включен ни в один из словарей-концептуариев.

Наше обращение в данной статье к поэме «Мертвые души» и «Выбранным местам из переписки с друзьями» объясняется тем, что в этих произведениях Гоголя наиболее полно реализован обогащенный христианскими смыслами концепт «Богатырство», который объемно воплощает образ современной автору России.

И. А. Виноградов справедливо назвал «Выбранные места...» «самой патриотической книгой нашей словесности», эйдологически связал ее с поэмой, нацеленной на то, чтобы «объять всю Русь»: «“Переписка с друзьями” выступает не только эпистолярным изложением идейного содержания глав второго тома поэмы, но и полноценным отражением всего замысла “Мертвых душ”, в его “неразорванном”, едином художественном целом, включая первый том» [Виноградов: 418]. Аргументом в пользу выдвинутого И. А. Виноградовым тезиса, думается, может стать реконструкция концепта «Богатырство», заданного Н. В. Гоголем в «Мертвых душах» и значительно уточненного в «Выбранных местах...». Принимая во внимание сформулированный нами алгоритм

концепт-анализа, подразумевающий первостепенное «обращение к черновым автографам произведений литератора, в которых схематически представлена “эссенция” особо значимых смыслов» [Капустина 2022(b): 125], а также к его публицистическим опытам, в которых сведена к минимуму художественная обработка, восстановление ядерных значений концепта «Богатырство» Гоголя следует начать с контекстов «Выбранных мест...».

Исключение основополагающих идей «Выбранных мест...» из контекста анализа сочинений Гоголя часто становится причиной искаженного восприятия отдельных слагаемых его мыслеобразной системы. Примером подобной «деконструкции» одного из ключевых гоголевских концептов — «Богатырство» — служит творческая полемика с Ф. В. Булгариным, развернувшаяся в то время, когда книга «Выбранные места...» существовала лишь в форме замысла. По прочтении «Мертвых душ» Ф. В. Булгарин в романе «Счастье лучше богатырства» опроверг утверждение автора о спасительном для России пути, избрав в качестве антипода и альтернативы богатырскому служению тихие семейные радости.

По мнению Ф. В. Булгарина, в «Мертвых душах» Гоголь взывал к *богатырству* только на поле брани; ожидал пробуждения воина-богатыря, высшей наградой для которого является бой с вражескими полчищами во имя народа и Отечества. Однако контексты «Выбранных мест...» помогают восстановить ядерное значение исследуемого концепта и подтверждают, что Гоголь в основе богатырской силы видел нерушимую духовную крепость, свойственную как ратоборцам в железных латах, так и людям «каждого звания и места», непрерывно ведущим битву с различными проявлениями бесовщины.

Создатель «Выбранных мест...» не раз подчеркивал: «...в России теперь на всяком шагу можно сделаться богатырем» [Гоголь 6: 80]; «...всякий должен служить Богу на своем месте» [Гоголь 6: 154]; каждый из нас, «как добрый воин», под предстательством Небесного Полководца «должен бросаться туда, где пожарче битва» [Гоголь 6: 155], где важно дать бой порокам, вероломно атакующим людские души. Писатель на протяжении всего творческого пути призывал соотечественников приобщиться духовному богатырству, то есть восстать против «темного и запутанного настоящего», вооружившись крестом и молитвой. Восприятие же Гоголем *богатырства* как силы не тела, а духа

оформилось благодаря его увлеченности творениями Святых Отцов и учителей Церкви.

Исследование указанного концепта предполагает рассмотрение тесно сопряженных с ним авторских понятий «сила» и «подвиг», пояснения к которым находим в пометах, сделанных Гоголем при чтении Библии, а также в его религиозно-нравственных сочинениях. Так, примечания писателя ко «Второму посланию к Коринфянам Святого апостола Павла» свидетельствуют о его убежденности в том, что воин Христов должен быть силен, прежде всего, духовно. На полях Гл. 4, ст. 6 Гоголь отметил: «Сокровище света носим в немощных телах» [Гоголь 9: 154], а напротив Гл. 12, ст. 9 написал: «сила в немощи» [Гоголь 9: 154]. В статье «Об унынии» классик обозначил единственный источник подлинной силы¹: «...у человека нет своей силы; это он должен знать и помнить всегда, — и кто надеется на свою силу, тот слабее всех в мире. Мы должны быть крепки Божьей силой, а не своею» [Гоголь 6: 311] — и прямо противопоставит физическую мощь духовной крепости: «...при первом приступе несчастья они (внешне сильные — С. К.) оказываются малодушными, низкими, бессильными, как ребёнки; тогда как слабейшие возрастают, как исполины, при всяком несчастье. “Сила наша в немощи совершается”, — сказал Бог устами апостола Павла...» [Гоголь 6: 311].

На то, что Гоголь цитирует Послания апостола Павла чаще других священных текстов, одним из первых обратил внимание немецкий славист Рольф Кайль² [Keil]. Попытка исследователя связать этот факт

---

¹ Принципиально значимым считаем то, что в материалах для «Объяснительного словаря» русского языка, составление которого, по свидетельству Н. С. Тихонравова, Гоголь начал «не ранее 1835 года и закончил не ранее 1848 года» [Гоголь 9: 836], представлена безусловная связь понятий «сила» и «богатырство»: смысловым эквивалентом слова «*сильник*», согласно мнению автора, выступает слово «*богатырь*» [Гоголь 9: 442]. Следовательно, восстанавливаемое посредством словообразовательного принципа значение понятия «*сильник*» — «тот, кто обладает силой» — Н. В. Гоголь применяет и к его синониму. Учитывая же авторское истолкование понятия «сила», данное сквозь призму христианской традиции, «богатырь» в гоголевском понимании есть, прежде всего, духовно непобедимый воин Христов, стоящий на страже Высшей Истины.

² В российском литературоведении также существуют работы, выявляющие и объясняющие гоголевские апелляции к Слово апостола Павла.

с протестантскими ценностями, якобы приоритетными для писателя, была опровергнута в разных гоголеведческих работах, однако само замечание Кайля об особенно чутком отношении классика к Слову Первоверховного апостола подтвердилось и текстуально, и концептологически¹.

Так, в Послании к Ефесенянам определяется самый опасный противник человечества, невидимую битву с которым способны вести лишь защищенные панцирем веры духовные *богатыри*: «Наша брань не против крови и плоти, но <...> против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Гл. 6, ст. 12), против «князя, господствующего в воздухе» (Гл. 2, ст. 2). Эта мысль находит неординарное отражение в «Мертвых душах», куда автор включает короткую, но концептуально фундаментальную Притчу о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче.

Известно, что писатель восхищался бессмертным творением Гомера и стремился создать русский вариант «Одиссеи» с характерными, эпическими по своей природе национальными героями, чье подвижничество воспринималось бы читателями не только как отзвук минувших столетий, но и как современные спасительные деяния, направленные против апостасии. В качестве же творческого наставника по *художественной эпизации* русского *богатырства* Гоголь избрал Г. Р. Державина, создавшего «образ <...> крепкого мужа, закаленного в деле жизни, готового на битву не с одним каким-нибудь временем, но со всеми веками» [Гоголь 6: 192].

Весьма значимым считаем упоминание Державиным в одах «К Эвтерпе» и «На счастье» образа *горе-богатыря*, к которому незадолго до поэта обращалась в своих литературных опытах и Екатерина II. В опере «Горе-богатырь» императрица, опираясь на сюжет «Дон Кихота», рассказывает о слабом и щедедушном воине, у которого не хватает сил даже на то, чтобы поднять и примерить богатырские доспехи. Все это и вдохновило Гоголя на оригинальное художественное осмысление понятия «горе-богатырство».

В частности, таковой является статья профессора С. А. Гончарова «Апостол Павел и Гоголь» [Гончаров 1991].

¹ Отмечаются, например, новозаветные истоки таких концептов Гоголя, как «внутренний человек» [Воропаев, 2009], [Гончаров, 1997]) и «сила слабости» [Тарасова].

В первом томе «Мертвых душ» для автора важно было творчески воплотить «страхи и ужасы» современности, которые способен искоренить лишь истинный богатырь. Именно поэтому в начале поэмы о похождениях Чичикова сам феномен русского *богатырства* представлен в обратной «проекции»: «вся Русь», некогда рождающая бесстрашных богатырей, теперь страдает от представителей *горе-* или *псевдобогатырства*, которые, в отличие от екатерининских персонажей, утратили не телесную мощь, а силу духовную.

В. А. Недзвецкий, анализируя «эпизацию героев “Мертвых душ” в свете мотива русского *физического богатырства*», предлагает следующее пояснение к гоголевскому концепту «горе-/псевдобогатырство»: «Современная Россия оказывалась нацией с воистину богатырским телом, пребывающим, однако, без души. По существу, это был образ народа *языческого*, как бы позабывшего и утратившего самое определяющее из своих “коренных” свойств — христианскую душу и христианское назначение» [Недзвецкий: 152].

На разрушительность и бессмысленность псевдобогатырских деяний и указывает Притча о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче, который «был то, что называют на Руси богатырь» [Гоголь 5: 152]. В то время, как созерцатель-папенька занимался «философскими вопросами» о рождении зверя из яйца, «двадцатилетняя плечистая натура» его сына-«богатыря» «так и порывалась развернуться» [Гоголь 5: 153], производя при этом лишь смятение и беспокойство.

В. А. Воропаев утверждает, что «образ Мокия Кифовича восходит к фольклорной традиции», что «в одном из черновых вариантов Притчи, где этот персонаж назван еще Иваном Мокиевичем, Гоголь прямо указывает на народнопоэтический первоисточник образа: “Обращик Мокиевича — Лазаревич...” (имеется в виду “Повесть о Еруслане Лазаревиче”). В основу образа Мокия Кифовича положены черты этого сказочного героя, ставшего символом русского национального богатыря. “И как будет Уруслан десяти лет, выдет на улицу: и ково возмет за руку, из тово руку вырвет, а ково возмет за ногу, тому ногу выломат”» [Воропаев 1998: 28].

Черты окарикатуренного в образе Мокия Кифовича современного Гоголю «богатырства», которое из-за своей духовной ущербности приобрело в исследовательских трудах приставку «псевдо-», явственно выделены и при описании других героев поэмы. Галерею «псевдобо-

гатырских» портретов открывает изображение Собакевича, унаследовавшего от своих пращуров необыкновенную физическую силу (даже сапог героя «был такого исполинского размера, которому вряд ли где можно найти отвечающую ногу, особливо в нынешнее время, когда и на Руси начинают выводиться богатыри» [Гоголь 5: 32]) и замечательно крепкое здоровье («пятый десяток лет живу, ни разу не был болен» [Гоголь 5: 33]). Однако свои «подвиги» этот исполин совершает исключительно за обеденным столом: «У меня когда свинина — всю свинью давай на стол, баранина — всего барана тащи. Гусь — всего гуся...» [Гоголь 5: 33]. Его «соратниками» по праздному расточению сил являются Ноздрев, Плюшкин, Манилов, Коробочка, Чичиков, которые с «богатырским» упорством тратят свои жизни на бессмысленные дела, не стоящие (по образцу Кифы Мокиевича) и выеденного яйца. Думается, не только к Чичикову, но и к каждому из названных героев применимы слова Муразова: «Ведь если бы с этакой волей и настойчивостью, да на доброе дело!..» [Гоголь 5: 368].

Ложное *богатырство* героев вызывает у автора подлинную горечь, выразившуюся в известном лирическом излиянии «Русь! Русь! Вижу тебя из моего чудного, прекрасного далека, тебя вижу... Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?...» [Гоголь 5: 201]. Позднее Гоголь прокомментирует это высказывание в «Выбранных местах...», акцентируя внимание на богоизбранности русского народа, «только душе» которого «знакомо богатырство» [Гоголь 6: 80]. Писатель сформулирует здесь и «непременный закон» богатырского служения: «служить земле своей, помня ежеминутно, что взял место для счастья других, а не для своего» [Гоголь 6: 83]. Именно этому закону должен был подчиниться духовно прозревший Чичиков; именно в его сознании желание «служить земле своей» должно было возобладать над идеей-фикс о незаконном получении надела для будущего поместья. В сохранившихся фрагментах второго тома «Мертвых душ» предназначение Чичикова к истинно богатырской миссии выражено в словах Муразова «Эх, Павел Иванович, ведь <у> вас есть эта сила, которой нет у других, это железное терпение — и вам ли не одолеть? Да вы, мне кажется, были бы богатырь...» [Гоголь 5: 475].

В. В. Гиппиус, соотнося семантически концентрированные высказывания о *богатырстве* из «Выбранных мест...» с их художественной «транскрипцией» в «Мертвых душах», приходит к выводу: «Богатырь в этом новом понимании должен не затмить собою уродов, а сам возникнуть из мира уродов в бюрократическом департаменте или даже в домашнем быту. <...> Новый, уже не сказочный, а будничный богатырь должен быть идеализированным хозяином» [Гиппиус: 73].

Духовно-патриотические чаяния Гоголя, аккумулирующие суть его индивидуально-авторского концепта «Богатырство», как видим, задают пафос и «Мертвых душ», и «Выбранных мест из переписки с друзьями». Сохраняется ли эта эйдологически определяющая тональность перечисленных произведений Гоголя в иностранных переводах? Не исчезает ли заданный классиком концепт «Богатырство» в переводных версиях его кульминационных текстов?

Перед тем, как дать ответы на поставленные вопросы, необходимо обратить внимание на один характерный штрих гоголевского идиолекта, создающий определенные трудности для переводчиков, — обыгрывание сокрытых в фонетическом слове значений или параллельную актуализацию разных смыслов полисемантического понятия (подробнее об этом см.: [Капустина 2021]). Например, автор первого из весьма немногочисленных английских переводов «Выбранных мест...», Джесси Зельдин (Jessy Zeldin), пренебрег специфическим гоголевским приемом: название главы «Женщина в свете», в которой чередуются реализуемые лексемой «свет» значения «высшее общество» («бомонд», «аристократия») и «сияние душевной красоты», переведено им как «Woman in the world» [Zeldin: 14]. Такой вариант заглавия не только препятствует филигранной игре смыслов, которыми Гоголь насытил текстовую ткань своего послания, но и в корне искажает авторский замысел («женщина в свете» ≠ «женщина в мире» или «женщина на мировой арене»). Эта неточность возникла вследствие того, что переводчик не распознал ни узуальной семантики омонимов, ни сакральных значений концепта «свет», которые становятся ядерными в картине мира православного писателя.

Похожая ситуация преимущественно наблюдается и при переводе имени индивидуально-авторского концепта Гоголя «Богатырство». Как явствует из анализируемых нами ранее контекстов, для создателя «Мертвых душ» и «Выбранных мест...» в этом концепт-наречении

будто бы сакрализируется начальная, созвучная обозначению Творца, часть, которая и указывает на источник силы «будничных богатырей», готовых на любом поприще нести служение свету и самоотрешено биться против внешних и внутренних проявлений тьмы. В английских же переложениях «Выбранных мест...» высший смысл имени гоголевского концепта «Богатырство» утрачивается, поскольку его не передает сакрально нейтральная номинация «heroism».

В некоторых случаях переводчики творчества Гоголя на английский язык, стараясь точнее охарактеризовать русского национального героя, в канонических текстах обозначенного емкой и выразительной лексемой «богатырь», не ограничиваются хрестоматийным «hero», а дополняют это именование своеобразной отсылкой к архаике. Так, Дэвид Джордж Хогард (David George Hogarth), переводя запечатленное в первом томе «Мертвых душ» лирическое воззвание автора к России, трактовал понятие «богатыри» как «heroes of old»: «Do they not one day, when again you shall have room for their exploits, there will spring to life the heroes of old?» [Hogarth: 154]. Однако и эта отчасти уточненная версия перевода оказалась излишне пространной: богатырей, безусловно, можно назвать «героями старины» («героями минувших дней»), но такая аттестация не отражает их исключительной (ориентирующей) роли в русской национальной героике; не проявляет интенций Гоголя о Божественном источнике богатырской силы.

Весьма презентативным представляется то, что Дэвид Джордж Хогард пренебрег аналогичной «отсылкой к архаике» при аттестации Мокия Кифовича. Персонаж вставной Притчи из «Мертвых душ», характеризуемый Гоголем как «то, что называют на Руси богатырь», в английском варианте вновь обозначается культурно отвлеченным понятием «hero»: «He was what we Russians call a “hero”» [Hogarth: 172]. В свете того, что переводчики «Мертвых душ» нередко игнорируют концептуально значимую Притчу о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче и неправомерно вычлениают ее из текста поэмы, неточность перевода Хогарда перестает казаться критичной. Однако в контексте приближенных к оригиналу иностранных переложений она все же остается значимой.

Стоит обратить внимание, что «переводческая дехронологизация» образа богатыря, связанная с его отрывом от героического прошлого России, проявилась не только в контекстах с “hero”, но и с другими ва-

риантами. Например, Ричард Пивер (Richard Pevear) и Лариса Волхонская (Larissa Volkhonsky) предложили поставить знак семантического равенства между русским «богатырь» и английским «mighty man». Вопрос из гоголевского воззвания к Руси, по мнению указанных переводчиков, должен звучать как “Is it not here that the mighty man is to be, where there is room for him to show himself and walk about?” [Pevear, Volkhonsky: 204], а характеристика Мокия Кифовича начинаться с “he was what is known in Russia as a mighty man” [Pevear, Volkhonsky: 223]. Безусловно, и Илью Муромца, и Добрыню Никитича, и Алешу Поповича можно назвать «могучими мужами» русской земли, однако этот предельно обобщенный «словесный портрет» лишен как контекстуально значимой «отсылки к архаике», так и тех смысловых нюансов, которыми Гоголь обозначил будничное богатырство (служение Богу на всяком поприще).

Корреляция феномена «богатырство» с корнями русской героики проявляется в английском переводе «Мертвых душ» Изабель Флоренс Хэпгуд (Isabel Florence Hapgood). В этой работе ключевое слово характеристики Мокия Кифовича транслитерировано: «He was what is called in Russia a bogatuir» [Hapgood: 259]. Более того, переводчица предусмотрела поясняющую ссылку к транслитерированному понятию: «A legendary epic hero» [Hapgood: 259]. Безусловно, интерпретация образа богатыря как «легендарного эпического героя» также лишена конкретики, но в этом кратком истолковании прослеживается смысловой контур культурного концепта «Богатырство». Непосредственно же гоголевские семантические ударения, дополнившие традиционное восприятие богатырей и богатырства, не были учтены ни в одном из переводов «Выбранных мест из переписки с друзьями» и «Мертвых душ». Причиной такой «непереводимости», скорее всего, стало недостаточное погружение переводчиков в контекст авторской концептосферы. При скрупулезном исследовании фундаментальных авторских мыслеобразов возможно было бы представить к ним адекватный гоголеведческий комментарий, который прояснил бы инокультурным читателям, во-первых, суть русских национально аутентичных явлений и образов; во-вторых, причины их семантического расширения в наследии выдающегося писателя-христианина.

Резюме о превалирующей непереводимости констант русской культуры в художественной транскрипции Гоголя созвучно вердикту

Достоевского: «Словом, все характерное, все наше национальное по преимуществу (а стало быть, все истинно художественное) <...> для Европы неузнаваемо» [Достоевский 21: 69]. Младший современник, вслед за старшим прозревший духовные основы истинного *богатырства*, предупреждал о том, что «Гоголя нельзя передать по-французски» [Достоевский 21: 69]. И это, на первый взгляд, категоричное мнение подтвердилось впечатлением от прочтения французского переложения «Мертвых душ» г-на Виардо, в котором, по словам Достоевского, «Гоголь исчез буквально. Весь юмор, всё комическое, все отдельные детали и главные моменты развязок, от которых и теперь, вспоминая их иногда нечаянно, наедине (и часто в самые нелитературные моменты жизни), заешься вдруг самым неудержимым смехом про себя, – всё это пропало, как не бывало вовсе» [Достоевский 21: 69].

Вопрос о переводе единиц концептосферы Гоголя остается актуальным в современных филологических исследованиях. Причина очевидна: многочисленность механических переводов, в которых «Гоголь исчезает буквально» для зарубежной аудитории. Залогом качественной инокультурной адаптации глубоко патриотических произведений классика, призванных «объять всю Русь», является постижение переводчиком базисных концептов Гоголя. Умение формально обозначить аутентичность этих мыслеобразных единиц посредством транслитерации и передать их суть с помощью адекватного историко-культурного и гоголеведческого комментария — второй непреложный закон переводимости таких шедевров русской классики, как «Мертвые души» и «Выбранные места из переписки с друзьями». Стремление найти иностранный эквивалент не ординарной лексеме, а имени фундаментального индивидуально-авторского концепта, как правило, обречено на неудачу. Иллюстрацией такого фатального упрощения и безосновательной десакрализации стал импровизированный знак равенства, который большинство английских переводчиков поставило между именем самобытной гоголевской концепт-единицы «Богатырство» и культурно нейтральным понятием «heroism».

Список литературы

Источники

- Гиппиус В. В. Гоголь. СПб.: Logos, 1994. 344 с.
- Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Исследования

- Виноградов И. А. Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Литературный факт. 2017. № 5. С. 416–421. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-5-416-426>
- Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М.: Флинта, Наука, 2011. 256 с.
- Воркачев С. Г. Культурные концепты и перевод: макаризмы в тексте Евангелия // Вестник Московского государственного областного университета. 2003. № 4. С. 88–93.
- Воропаев В. А. Н. В. Гоголь: жизнь и творчество. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: МГУ, 1998. 128 с.
- Воропаев В. А. «Творить без любви нельзя». Гоголь за чтением Библии // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2009. С. 120–134.
- Гончаров С. А. Апостол Павел и Гоголь // IX Musica antique europaе orientalis. Wydgoszcz: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1991. Vol. 2. P. 181–193.
- Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. 340 с.
- Зусман В. Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация. Н. Новгород: Деком, 2001. С. 3–14.
- Зябрева Г. А., Капустина С. В. Концепт в литературоведческом дискурсе (на материале творчества Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского) // Концепт: грани понятия в современной науке. Ногинск: Аналитика Родис, 2015. С. 4–45.
- Капустина С. В. Феномен богатства в трактовке Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2014. Вып. 12. С. 264–270.
- Капустина С. В. Концепт «беспорядок» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3 (15). С. 76–97. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-3-76-97>
- Капустина С. В. Православный кардиоанализ русского народа как основа богатства (на материале «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022а. № 46. С. 44–52. <https://doi.org/10.17223/22220836/46/4>
- Капустина С. В. Город как экспликант базисных концептов романа Ф. М. Достоевского «Подросток» // Слово.ру: балтийский акцент. 2022б. Т. 13. № 4. С. 124–141. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-4-9>

Карасик В. И., Стернин И. А. Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 352 с.

Мальцева И. Г. Обучение художественному переводу: методика установления адекватности // Педагогическое образование в России. 2012. № 1. С. 3–6.

Миронов А. С. Эпос русских: актуализация. М.: Ин-т Наследия, 2020. 320 с. <https://doi.org/10.34685/NI.2019.73.29.010>

Недзвецкий В. А. «Мертвые души» Н. В. Гоголя как художественная проповедь // Русская литература XIX века и христианство. М.: МГУ, 1997. С. 149–158.

Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2000. 301 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 192 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Концепты и межкультурная коммуникация // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1. С. 117–121.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 989 с.

Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

Тарасова Е. К. Идеал духовного здоровья в творчестве Н. В. Гоголя (по материалам немецкоязычных исследований) // Знание. Понимание. Умение. № 5. 2009. С. 13.

Шафиков С. Г. Русский концепт и проблема перевода с русского языка на иностранный // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2015. № 1 (77). С. 60–68.

Keil, R. Gogol und Paulus // Die Welt der Slawen. München: Verlag Otto Sagner, 1986. Jg. 31. P. 86–99.

Hargood, I. F. "Tchitchikoff's journeys, or Dead Souls" by Nikolay Gogol. New York: Thomas Y. Crowell & Co, 1886. 282 p.

Hogarth, D. J. "Dead Souls" by Nikolay Gogol. London; Toronto: J. M. Dent, 1842. 340 p.

Pevear, R., Volkhonsky, L. "Dead Souls." New York: Pantheon Books, 1996. 423 p.

Zeldin, J. "Selected Passages from Correspondence with Friends" by N. V. Gogol. Nashville: Vanderbilt University Press, 1969. 271 p.

References

Vinogradov, I. A. "Samaia patrioticheskaia kniga nashei slovesnosti ('Vybrannye mesta iz perezpiski s druž'iami Nikolaiia Gogolia') ["The Most Patriotic Book of Our Literature ('Selected Passages from Correspondence with Friends' by Nikolay Gogol')"]. *Literaturnyi fakt*, no. 5, 2017, pp. 416–421. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-5-416-426> (In Russ.)

Volodina, N. V. *Kontsepty, universalii, stereotipy v sfere literaturovedeniia* [Concepts, Universals, Stereotypes in the Field of Literary Criticism]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. 256 p. (In Russ.)

Vorkachev, S. G. “Kul’turnye kontsepty i perevod: makarizmy v tekste Evangelii” [“Cultural Concepts and Translation: Makarisms in the Text of the Gospel”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, no. 4, 2003, pp. 88–93. (In Russ.)

Voropaev, V. A. N. V. *Gogol’: zhizn i tvorchestvo* [Gogol: Life and Works]. Moscow, Moscow State University Publ., 1998. 128 p. (In Russ.)

Voropaev, V. A. “‘Tvorit’ bez ljubvi nel’zia.’ Gogol za chteniem Biblii” [“‘You Can’t Create without Love.’ Gogol Reading the Bible”]. *Teoriia Traditsii: khristianstvo i russkaia slovesnost’* [Theory of Tradition: Christianity and Russian Literature]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2009, pp. 120–134. (In Russ.)

Goncharov, S. A. “Apostol Pavel i Gogol” [“The Apostle Paul and Gogol”]. *IX Musica antique europae orientalis* [IX Musica antique europae orientalis], vol. 2. Bydgoszcz, Państwowe Wydawn. Naukowe Publ., 1991, pp. 181–193. (In Russ.)

Goncharov, S. A. *Tvorchestvo Gogolia v religiozno-misticheskom kontekste* [Gogol’s Works in a Religious and Mystical Context]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 1997. 340 p. (In Russ.)

Zusman, V. G. “Kontsept v kulturologicheskom aspekte” [“The Concept in the Cultural Aspect”]. *Mezhkul’turnaia komunikatsiia* [Intercultural Communication]. Nizhny Novgorod, Dekom Publ., 2001, pp. 3–14. (In Russ.)

Ziabreva, G. A., and S. V. Kapustina. “Kontsept v literaturovedcheskom diskurse (na materiale tvorchestva N. V. Gogolia i F. M. Dostoevskogo)” [“Concept in Literary Discourse (Based on the Works of N. V. Gogol and F. M. Dostoevsky)”]. *Kontsept: grani ponyatiia v sovremennoi nauke* [Concept: Facets of the Concept in Modern Science]. Noginsk, Analitika Rodis Publ., 2015, pp. 4–45. (In Russ.)

Kapustina, S. V. “Fenomen bogatyrstva v traktovke N. V. Gogolia i F. M. Dostoevskogo” [“The Phenomenon Bogatyrstvo in N. V. Gogol’s and F. M. Dostoevsky’s Interpretation”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 12, 2014, pp. 264–270. (In Russ.)

Kapustina, S. V. “Kontsept ‘besporiadok’ v romane F. M. Dostoevskogo ‘Podrostok.’” [“The Concept of ‘Besporiadok’ (‘Disorder’) in Dostoyevsky’s Novel ‘The Adolescent.’”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (15), 2021, pp. 76–97. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-3-76-97> (In Russ.)

Kapustina, S. V. “Pravoslavnyi kardiognosis russkogo naroda kak osnova bogatyrstva (na materiale ‘Dnevnika pisatel’ia’ F. M. Dostoevskogo)” [“Orthodox Cardiognosis of the Russian People as the Basis of Heroism (Bogatyrstvo) (Based on the ‘Diary of a Writer’ by F. M. Dostoevsky)”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul’turologiia i iskusstvovedenie*, no. 46, 2022a, pp. 44–52. <https://doi.org/10.17223/22220836/46/4> (In Russ.)

Kapustina, S. V. “Gorod kak eksplikant bazisnykh kontseptov romana F. M. Dostoevskogo ‘Podrostok.’” [“City as an Explicand of the Key Concepts in Dostoyevsky’s ‘The Adolescent.’”]. *Slovo.ru: baltiiskii aktsent*, vol. 13, no. 4, 2022b, pp. 124–141. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-4-9> (In Russ.)

Karasik, V. I., and I. A. Sternin. *Antologiya kontseptov* [*Anthology of Concepts*], vol. 1. Volgograd, Paradigma Publ., 2005. 352 p. (In Russ.)

Mal'tseva, I. G. "Obuchenie khudozhestvennomu perevodu: metodika ustanovleniia adekvatnosti" ["Teaching Literary Translation: A Methodology for Establishing Adequacy"]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, no. 1, 2012, pp. 3–6. (In Russ.)

Mironov, A. S. *Epos russkikh: aktualizatsiia* [*The Epic of the Russians: Actualization*]. Moscow, Heritage Institute Publ., 2020. 320 p. (In Russ.)

Nedzvetvskii, V. A. "Mertvye dushi' N. V. Gogolia kak khudozhestvennaia propoved'" ["'Dead Souls' by N. V. Gogol as an Artistic Sermon"]. *Russkaia literatura XIX veka i khristianstvo* [*Russian Literature of the 19th Century and Christianity*]. Moscow, Moscow State University Publ., 1997, pp. 149–158. (In Russ.)

Popova, Z. D., and I. A. Sternin. *Poniatie "kontsept" v lingvisticheskikh issledovaniiaakh* [*The Term "Concept" in Linguistic Research*]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2000. 301 p. (In Russ.)

Popova, Z. D., and I. A. Sternin. *Ocherki po kognitivnoi lingvistike* [*Essays on Cognitive Linguistics*]. Voronezh, Istoki Publ., 2001. 192 p. (In Russ.)

Popova, Z. D., and I. A. Sternin. "Kontsepty i mezhkul'turnaia kommunikatsiia" ["Concepts and Intercultural Communication"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 1, 2002, pp. 117–121. (In Russ.)

Stepanov, Iu. S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [*Constants: Dictionary of Russian Culture*]. Moscow, Academicheskii proekt Publ., 2001. 989 p. (In Russ.)

Stepanov, Iu. S. *Kontsepty. Tonkaia plenka tsivilizatsii* [*Concepts. A Thin Layer of Civilization*]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2007. 248 p. (In Russ.)

Tarasova, E. K. "Ideal dukhovnogo zdorov'ia v tvorchestve N. V. Gogolia (po materialam nemetskoiazыchnykh issledovaniu)" ["The Ideal of Spiritual Health in the Works of N. V. Gogol (Based on the Materials of German-language Studies)"]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 5, 2009, p. 13. (In Russ.)

Shafikov, S. G. "Russkii kontsept i problema perevoda s russkogo iazyka na inostrannyi" ["Russian Concept and the Problem of Translation from Russian into a Foreign Language"]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*, no. 1 (77), 2015, pp. 60–68. (In Russ.)

Keil, Rolf-Ditrich. "Gogol und Paulus." *Die Welt der Slawen*, Jg. 31. München, Verlag Otto Sagner, 1986, pp. 86–99. (In German)

Hapgood, Isabel Florence. *Tchitchikoff's journeys, or Dead Souls" by Nikolay Gogol*. New York, Thomas Y. Crowell & Co, 1886. 282 p. (In English)

Hogarth, David James. *"Dead souls" by Nikolay Gogol*. London, Toronto, J. M. Dent, 1842. 340 p. (In English)

Pevar, Richard, and Larissa Volkhonsky. *"Dead Souls"*. New York, Pantheon Books, 1996. 423 p. (In English)

Zeldin, Jesse. *"Selected Passages from Correspondence with Friends" by N. V. Gogol*. Nashville, Vanderbilt University Press, 1969. 271 p. (In English)